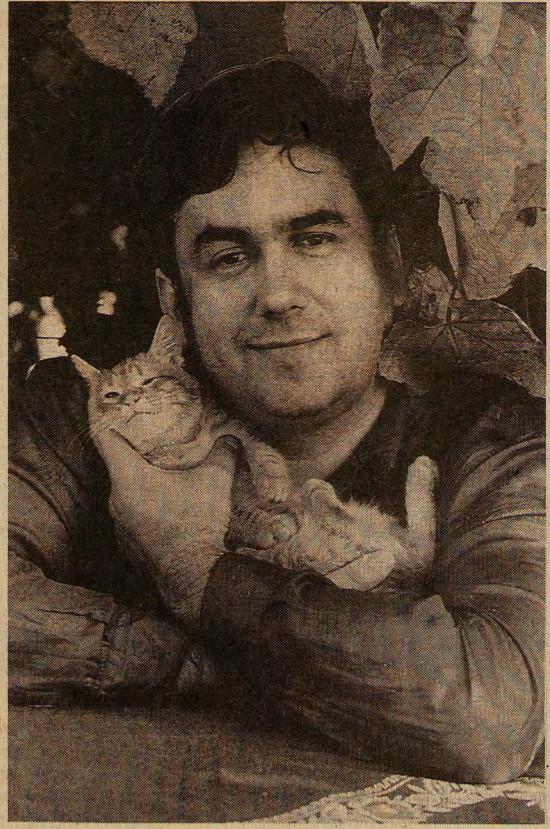

Культура. — 1993. — Февр. — с. 7.

По всему он не мог быть актером — неправильный прикус, нарушение дикции. Где это видано — шепелявящий артист! А если очень хочется!

«ЛЮБЛЮ КУШАТЬ!»

...Год 1970-й. Вряд ли кто запомнил в новелле Маноса Захариса «Сталинград. 1942» Владика, неловкого солдатика, в ночь перед последним в своей жизни боем, трогательно объясняющимся в любви.

Мирная, уютная комната, чудом уцелевшая в разбомбленном доме; кукла, забытая хозяйками; звенящая ночная тишина... Актриса Е. Алекина (Лена), отчаянно фальшивя, старательно изображает первую влюбленность. Рядом с ней, изящной, куклольно-хрупкой и манерной, лопоухий Владик Станислава Сада́льского выглядит странно и... естественно. С осторожно неуклюжими движениями, то и дело расплывающийся в улыбке, по-детски простодушно искренний.

И хотя в прессе лишь несколько раз промелькнули добрые слова о дебютанте Станиславе Сада́льском, режиссерское внимание типажно необычный актер привлек.

Немного наивный, немного смешной, не блещущий интеллектом, зато обладающий редким даром «чувствовать» жизнь и уметь радоваться всем ее проявлениям, получать удовольствие от любых мелочей, от самых незначительных событий, простодушный здоровяк Сада́льского мелькал на экране все чаще, и актера, казалось, не волновало, что он вроде бы «идет против течения».

Никогда не играя развитие характера, он совершенно как будто не интересовался судьбой своих героев. Абсолютно внесоциальный, ярко раскрывался в ситуации, а точнее, в отношении к данному моменту.

Его общительные, шумные простачки, легко относящиеся ко всему вокруг, в том числе и к собственным бедам, живущие в атмосфере радостного приятного бытия, в легкой ауре самолюбования, представления не имеющие, что такое психологический дискомфорт, сомнения, рефлексия, не мучали себя вопросами, зато обожали всякие авантюры, мелкие приключения, интрижки, праздники, застолья.

Боже, как они едят — даже в жалкой забегаловке жарят! Смакуя каждый кусок, любясь напитками, ласково улыбаясь блюдам, радуясь дружеской болтовне, обществу хороших женщин.

Сада́льский не играл — аппетитно наслаждался самим своим существованием, мгновенно, легко осваиваясь в бытовом, вещном пространстве, уютно устрояясь в нем, «вкусно» обживая его, трогая, рассматривая разные вещицы, мурлыча песенки.

И вокруг него всегда создавались почти физически ощутимое особое эмоциональное поле, атмосфера естественности.

С детства он привык полагаться только на себя самого — детдомовец, мать умерла, когда ему было одиннадцать, всему, чего в жизни добился, обязан себе и собственному упорству.

Сегодня он с особым удовольствием вспоминает те, самые трудные годы. И как огоршили его безжалостным приговором (безнадежен!). И как тянулись долгие месяцы в Ярославле, где работал токарем на моторостроительном заводе, и как ездил в Ленинград, к Алисе Фрейндлих за советом, как она справляется со своим прикусом... И как сумасшедше бежали годы учебы (а учился он у блистательной О. Андровской и Г. Конского), голодные и счастливые, без стипендии. Учился плохо, и даже не пытался стараться, только по специальности были пятерки. У маленького овощного магазинчика, что возле ГИТИСа, подбирал выброшенные подпорченные фрукты и ел...

Кстати, чувство неутоленного голода осталось у него, и, уже став известным и высокооплачиваемым, он вовсе бросил наверх стивать упущенное, ни в чем себя не ограничивая, отдавая еде со страстью, заглаживая много счастливых, заманчивых поездок привоза обычных деликатесов, сделав из еды культ, и без всякого смущения,

радостно признаваясь всем репортерам, берущим интервью: «Люблю кушать!!!».

Между тем из крошечных эпизодиков вырос актер. Незадачливый жених из фильма Ролана Быкова «Телеграмма», ухитрившийся в день свадьбы испачкать праздничные брюки и просидевший полдня в химчистке.

А Рома, ассистент режиссера из телевизионного фильма Инессы Селезневой «Всем — спасибо!» (1981)? Вечно суеящийся, озабоченный, услужливый и исполнительный, одновременно занятый массой дел, что не мешает ему заметить хорошенькую девушку, на ходу аппетитно что-то съесть...

Сам Сада́льский — человек настроения, сиюминутного ощущения — и таковым стал и его персонаж, его «двойник», который жил и вырос рядом с ним, вместе с ним, с годами становясь все жестче, активнее, шумнее, злее, требуя все больше места в пространстве, нарочью распростились с робостью далекой юности.

Кстати, именно этот момент раздвоенности личности, неизбежный при лицедействе, зачастую отталкивает его от своих же собратьев по профессии — режут слух фальшивые, заученные интонации, мешающие общению.

И в то же время (парадокс!) трудно назвать другого актера, с таким мастерством сотворившего себе свой имидж. Сада́льский охотно, упоенно играет в Сада́льского при каждой возможности. И все его публичные выступления, все интервью превращаются в бурные, искрометные мини-спектакли, в которых этот, захлебывающийся словами толстяк за несколько минут умудряется высказать, нет, выпалить свое мнение обо всем на свете — о кинематографе, о нашей разнесчастной жизни, вспомнить молодость, друзей, рассказать о любимых кушаньях, расписать свои пороки (он-де и трусоват, и упрям, и жесток — обидеть может ого как, хоть потом обязательно и раскается), и не поймаешь, что тут правда, а что приплетено для красного словца, чему верить, а над чем можно посмеяться, как над удачной шуткой.

Одно точно — если рассмеешься, актеру доставишь удовольствие. «Я обожаю, когда надо мной смеются... Именно в этом мое преимущество. Ведь я доставляю этим людям радость...».

«Надо быть глупее этой страны. Я давно понял: тут каждый про себя знает, что дурак. Но ему же надо себя любить, так? И тут появляюсь я. Делаю вот такую рожу. И он радуется: дурак, дурак!»...

Первым в ряду блистательных дураков Сада́льского стыл шепелявящий, взъерошенный карманник Кирпич (он же Сапрыкин) из говорухинского телефильма «Место встречи изменить нельзя» (1979), вздорный, напористый, трусоватый и нахальный. До сих пор эта роль — «визитная карточка» актера, к великому его неудовольствию, ведь сыграно потом всего не перечесть, почему же особенно любима народом именно она? Этим эпизодом он сделал себе имя.

Дурак Сада́льского ярок, активен, в нем бурлит жизнь, он кипит, как вулкан, мгновенно переходя от легкомысленной болтовни к гневу, от жалостливых просьб к напыщенным похвальбам. И он-то уж никак не прост! А что до глупости, то она от того, что по сути он еще ребенок.

Избалованный, испорченный, шкодливый, злой, любопытный, обжорливый, трусоватый. Живущий по своей детской эгоистической логике, по которой он — центр Вселенной, и, естественно, все его капризы должны быть исполнены. И это так же нормально для него, как нормально для детей ожидание от родителей конфетки за хорошее поведение.

И очень хитрый ребенок, прекрасно знающий, что не обязательно на самом деле вести себя хорошо, достаточно себя хорошо, достаточно взрослых убедить в своем усердии.

Именно таков недоучившийся недоросль Алексей Буланов из «Леса» Владимира Мотыля. Пухлый, неуклюжий, стиснутый давно уже ему узким и коротким гимназическим мундирчиком, натужно корпящий над учебниками вечный второгодник, желающий одного — угождать своей благодетельнице, стареющей барыне Раисе Павловне Гурмыжской (Людмила Целиковская).

Фильму тогда не повезло. В штыки принятый кинематографическим начальством, он практически не получил проката. А, казалось бы, пьеса А. Островского, какая крамола?

Был и очень смешной оратор из каменного века, Красноречивый (комедия Аллы Суриковой «Две стрелы»). Этот угодливо-подобострастный болтун ко всему прочему отличался еще и женской кокетливостью, охорашиваясь перед своими выступлениями, пыжась, любясь собой, принимая важные позы.

А сколько он переиграл маленьких, незначительных людейшек, забавных, нелепых неудачников, не отчаивающихся, что бы ни случилось, умеющих всегда удержаться на плаву, — тут и мелкий жулик Рубиченко из простенькой комедии Всеволода Шиловского «Аферисты», и администратор скромной еврейской труппы Изак Швалб из трогательного фильма того же Шиловского «Блуждающие звезды», и угодливый эстрадный администратор Леничка из «Презумпции невиновности», и сгорающий от любовного пыла здоровяк Левушка из комедии «Болотная стрит, или Средство против секса».

Но остановимся. Вернемся на минуту во времена молодости актера. 1980 год. Эльдар Рязанов — «О бедном гусаре замолвите слово».

Одна из лучших картин Сада́льского тех лет. Роль, которая открывала перед ним совершенно иные горизонты, но так и осталась в его творчестве по-своему единственной.

Наивный жизнелюбец корнет Плетнев, не прочитавший ни одной книги (сие произошло с ним уже за пределами сюжета, о чем и поведал нам за кадром Автор), отважный и обладающий благородным сердцем, в том ностальгически-ироничном фильме был удивительно к месту.

Те жизнерадостные, общительные и легкомысленные мальчишки, юноши, молодые мужчины, которых так много сыграл актер до того и которых не раз играл еще и потом, пока окончательно не избрал для своих героев злой фарс, в Плетневе получили наиболее цельное, полное, романтическое воплощение. И в нем Сада́льский продемонстрировал редкую для его героев особенность «приподнятая» над непосредственной ситуацией, «выйти» за ее пределы, обнаружив в себе мечтательность, пережив любовь как очищение.

Пожалуй, это был единственный фильм актера, в котором штрихами намечалась судьба его героя, глубинная перспектива его личности.

Когда-то его мечтой был Гамлет... А что? Помните Монику, официанта-калеку из дешевой забегаловки («Передай дальше»)? Неуклюжий, грузный, не просто физически изувеченный — опаленный зловонным дыханием войны, с выжженной душой, живущий этой войной даже годы спустя, несущий в себе ее ад...

А в Театре-студии на Юго-Западе Сада́льский сыграл Дона Карлоса в пьесе Л. Жюль-Виктора «Последняя женщина сеньора Хуана» и Расплюева в трилогии А. Сухово-Кобылина. До сих пор режиссер Валерий Белякович вспоминает недолгую (один сезон) совместную работу с актером.

Сам актер о себе говорит без излишнего жеманства: «Скромность не украшает человека, особенно неудачников. Я очень талантливый, я все могу...».

И, знаете, ведь действительно он все может...

Тамара СЕРГЕЕВА.

Фото Игоря Гневашева.